

Владимир Поленов

Пельмени по-баварски

[Дипломатические истории
(почти) без политики]

Владимир Поленов

Пельмени по-баварски

«Издание книг.ком»

2018

УДК 327.82
ББК 66.4(4Гем)+63.3(4Гем)

Поленов В. М.

Пельмени по-баварски / В. М. Поленов — «Издание книг.ком»,
2018

ISBN 978-5-6040849-4-6

В этой книге автор делится впечатлениями от встреч с интересными людьми на германской земле, включая и наших соотечественников, рассказывает в живой, доступной форме о примечательных событиях, где ему довелось участвовать, о случаях из дипломатической практики, богатой разнообразием ощущений. Книга адресована всем тем, кто проявляет интерес к истории российско-германских связей и сотрудничества, почувствует желание заглянуть в дипломатическую «кухню», где вызревают плоды таких отношений со страной, занимающей одно из наиболее значимых мест в европейской и мировой политике. Современная сложная фаза глобального развития показывает, что иной раз полезно взглянуть в недавнее общее прошлое, чтобы не допускать непоправимых ошибок сейчас и в будущем. В 2017 году в нашем издательстве вышла книга В. М. Поленова «Байки о Ямайке» с рассказами о стране, в которой автор проработал четыре года в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации после завершения «германского этапа» своей профессиональной деятельности.

УДК 327.82
ББК 66.4(4Гем)+63.3(4Гем)

ISBN 978-5-6040849-4-6

© Поленов В. М., 2018

© Издание книг.ком, 2018

Содержание

Предисловие	7
Как стать гурманом	9
Архангелы пятизвёздного неба	14
Сколько стоит посольство России?	18
Как мы покупали письмо Ильича	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Поленов Владимир Михайлович
Пельмени по-баварски
Дипломатические истории
(почти) без политики

© Поленов В. М., 2018

© ООО «Издание книг ком», о-макет, 2018

* * *

Коллегам-германистам – моим друзьям и соратникам в профессии и в жизни – посвящается

Предисловие

Выбирая название для этой книги, я главным образом стремился отразить тем или иным способом объединяющее начало в отношениях России и Германии, может быть, даже совместить несовместимое. Задача была в том, чтобы подчеркнуть основную мысль, вытекающую как из исторического, так и моего личного опыта, – насколько всё-таки русские и немцы близки друг другу.

Правда, в последние годы, в том числе из-за вмешательства третьих сил, эти отношения, во всяком случае, на политическом уровне, оказались подверженными серьёзным испытаниям. Как долго продлится очередная неблагоприятная фаза для сотрудничества и взаимопонимания двух великих европейских наций, сказать трудно. Для меня ясно одно: не она будет определять совместное будущее россиян и немцев, накрепко связанных общей историей, тысячами культурных нитей, перекрестием судеб властителей, учёных, первооткрывателей далёких уголков Земли, писателей и поэтов.

Те 20 лет, которые мне довелось провести на службе моему Отечеству непосредственно в Западной (Бонн), а затем и объединённой (Берлин) Германии, открыли для меня, в том числе бесценную – отчётливо видимую, особенно с высоты прожитых лет, – возможность общения с интересными, порой уникальными, нередко замечательными во всех отношениях людьми. Все они не только существенно обогатили мой профессиональный и жизненный опыт, но и стали – естественным образом – неотъемлемой частью моей судьбы, моего мироощущения, своего рода оселком для выбора добрых, надёжных, проверенных временем друзей.

Имею в виду при этом не только немцев, но и наших, известных всем российских сограждан, радость от встреч с которыми на германской земле, где они оказывались по разным поводам, оживает всякий раз, когда я вспоминаю об этом.

Вы спросите, почему у книги такое «кулинарное» название? Ну хотя бы потому, что, как известно, и русские, и немцы любят хорошо поесть. И это не единственное, что их объединяет. Ещё потому, что Бавария наряду с Баден-Вюртембергом – мои любимые земли (иными словами, регионы) ФРГ.

Отмечу, что мне близок, конечно, и современный космополитичный Берлин, который немыслим без его «русской» части, служащей, по выражению историка и эссеиста Карла Шлёгеля, «школой, где многому учатся. Это школа чувств и исторического инстинкта»...

Исторический инстинкт и чувственность восприятия были без сомнения свойственны и Оскару Уайльду, писателю, поэту, драматургу и эстету, который провёл чёткую параллель между кулинарией и дипломатией, заметив, что «приготовить хороший салат и быть искусным дипломатом – дело одинаково тонкое: и в том, и в другом случае важно в точности знать, сколько употребить масла, а сколько уксуса».

Всё-таки уксуса я, в отличие от некоторых моих коллег-мемуаристов, здесь использую по минимуму. Чтобы не испортить общий вкус...

Случилось так, что я начал писать эти строки, расположившись на уютном балкончике симпатичного отеля (говорят, когда-то принадлежавшего русским владельцам, а теперь находящегося в собственности у радушного и обаятельного грека по имени Константинос Георгоулас) в центре Баден-Бадена.

Это всемирно известный курортный (ещё со времён Римской империи) городок на склонах холмов романтического Чёрного леса, где каждый пышущий спокойствием и умиротворённостью квартал, каждая тропинка в роскошном парке, прорезанном неспешно текущей рекой по имени Оос (или Оосбах), буквально на каждом шагу демонстрируют свою «русскость».

Направляясь от своей гостиницы к храму русской православной церкви Преображения Господня, я прохожу мимо «Гагаринского дворца» (напоминающего о князе, директоре Импе-

раторских театров в Санкт-Петербурге), «резиденции Тургенева», «виллы Виардо» (история любви Полины и Тургенева продлилась, как известно, 40 лет), а на обратном пути непременно брошу взгляд на знаменитое казино, где играли и (проигрывались) Федор Достоевский, Лев Толстой и другие именитые российские гости Баден-Бадена.

Как свидетельствует автор исторической хроники «Грифон и царский орёл», рассказывающей о двух столетиях российско-баденских отношений, Ханс Леопольд Цолльнер, особо отличился в качестве заядлого игрока в 1850 году царский посланник при дворе Великого герцога, князь и поэт Пётр Вяземский, проводивший гораздо больше времени в баден-баденском казино, чем в своей дипмиссии в Карлсруэ, за что и был досрочно отозван со своего поста.

Заметный «русский след» в Баден-Бадене, понятно, не только за игорным столом или рулеткой, оставили также Василий Жуковский, Николай Гоголь, Иван Гончаров, многие высшие военные чины царской России, аристократы.

Говорят, что Баден-Баден с постоянно проживающим здесь «отрядом» миллионеров (называют число в 900 человек) занимает первое место в Европе, а то и в мире по плотности толстосумов относительно численности населения (55 тысяч человек).

Думаю, что этот город также с полным правом можно назвать мировым рекордсменом применительно к значению русского вклада в его популярность и привлекательность. Здесь и сегодня, как и 150 лет назад, буквально на каждом шагу слышна русская речь. Как говорил Наполеон, «география – это судьба», и в Баден-Бадене с кусочком русской души этот тезис получил, как мне думается, дополнительное подтверждение.

За почти четыре десятилетия, что профессионально связывали меня с Германией, я, как полагаю, разгадал наконец загадку «необъяснимого» взаимного тяготения русских и немцев (несмотря ни на какие превратности их совместной судьбы). Глубоко убеждён, что происходит это от того, что мы, русские, находим в немцах, как нации, черты и качества, которые не столь чётко выражены либо просто отсутствуют у нас, но которые мы хотели бы иметь. А наши германские друзья, может быть, чисто интуитивно, аналогичным образом «сканируют» нас.

Думаю, именно поэтому столь возможно и естественно взаимопонимание с жителями ФРГ на межчеловеческом уровне, в том числе, как у нас говорят, и «с полуслова». Именно поэтому дружба с немцами, если уж она сложилась, остаётся, несмотря ни на что, величиной долговременного действия.

Именно поэтому я верю в будущее российско-германских отношений, способность ответственных политиков, дипломатов, капитанов индустрии, интеллектуалов из культурных и общественных кругов, просто думающих своей головой людей на обеих сторонах противостоять дующим откуда бы то ни было холодным ветрам и работать на пользу сближения наших двух народов.

Эта книга, куда вошли, как видно из подзаголовка, дипломатические истории из моей собственной многолетней практики, была замыслена как своего рода мозаичный камешек в многоцветную картину взаимообогащающих контактов, примечательных, иной раз курьёзных событий, эмоциональных потрясений, из которых складывается жизнь.

По этой причине я работал над книгой в расчёте на широкий круг заинтересованных читателей, а не только и не столько готовя её как предмет домашнего чтения для коллег-дипломатов или состоявшихся либо будущих специалистов-германистов. Хотелось бы надеяться, что с поставленной задачей мне удалось справиться.

Ну а что касается пельменей по-баварски, то они действительно существуют. Рецепт их приготовления, как и раскрытые «секреты» некоторых других любимых немецкими поварами блюд, вы найдёте в приложении. Думаю, вам понравится.

Баден-Баден, август 2017 года

Как стать гурманом

Еда играет в жизни человека всем понятную роль, ну а в профессиональных буднях дипломата она ещё и составная часть прямых служебных обязанностей.

Конечно, не имею при этом в виду домашние завтраки, обеды и ужины в узком семейном кругу, относящиеся к так называемой приватной сфере. Речь идёт о том, как принимать пищу в компании с иностранцем (это, разумеется, и правила этикета, и умение «расшифровать» меню, на каком бы европейском языке оно ни предлагалось, и навык быть самому себе сомелье, то есть досконально разбираться в винах, в особенности красных, как и подобает истинному гурману).

Специальных курсов такого рода ни в МГИМО, ни в Дипломатической академии МИД России, насколько мне известно, нет. Во всяком случае, в мои студенческие годы они точно не существовали. Так что нам приходилось учиться, что называется, на ходу.

В этом отношении мне повезло. Во-первых, работа в секретариате посла, с чего начинается профессиональная деятельность многих наших, предпочтительно бойких по характеру, молодых дипломатов, как и в моём случае, сразу же сталкивает с выполнением совсем не простых протокольных обязанностей: оформление и рассылка приглашений на приёмы а ля фуршет или «сидячие» обеды и ужины, определение рассадки гостей за столом, составление и перевод карты меню, подбор напитков к предлагаемым блюдам. Поначалу помогали более опытные коллеги, но и у них, насколько я могу судить с высоты сегодняшнего дня, не всегда всё получалось так, как нужно.

Во-вторых, в числе близких немецких друзей у меня оказался Пауль Пайзелер, по устройству своей жизнерадостной натуры – «классический» сноб, миллионер, который «сам себя сделал», сибарит, эпикуреец и, естественно, гурман. Хороший, надёжный друг, хотя в политическом плане человек весьма консервативных, порой даже жёстких убеждений.

Пауль любит на публике рельефно подавать себя, тщательно выговаривает слова и буквы, будто вслух читает какой-то значимый манифест, мастерски владеет острым, порой жалящим недругов словом, не стеснясь, если надо, в выражениях. Но, главное, – прекрасно разбирается в хорошей еде и отличных винах. Его любимый тост: «За всё хорошее в жизни!» (почти по-русски!). Его девиз: *das Beste ist für uns gerade gut genug*, что можно было бы перевести примерно как «для нас достаточно хорошим является только лучшее».

«Тренировались» мы с ним в этом смысле множество раз. Успешному «усвоению материала» способствовало и моё увлечение кулинарией со студенческих лет, из которого родились с течением времени не только неплохие в целом, по достоинству оценённые гостями «кухонные» навыки, но и домашняя библиотека со многими тысячами, в том числе весьма оригинальных рецептов.

Когда Пауля спрашивают, как стать гурманом, он со знанием дела отвечает: во-первых, надо обладать хорошим вкусом, причём в самом широком смысле слова, во-вторых, вести себя во всех ситуациях достойнейшим образом, в-третьих, быть предельно внимательным всегда и во всём и, в-четвёртых, ежедневно изучать всё то, что связано с застольем. Я так и поступал.

Если бы не Пауль, я, наверное, и сегодня не знал, чем отличается «Солаяя» от «Сассикайи» (оба вина относятся к так называемым элитным «супертосканцам»), и почему «Опсван» – действительно номер один не только среди калифорнийских вин. Со временем «Справочник Хью Джонсона» – своего рода библия для всех любителей красных вин, к которым отношу и себя, – стал моим постоянным спутником (у нас, в России, одно время выходили его переводные издания).

Как-то мои вновь приобретённые знания подверглись серьёзному экзамену. Мой хороший знакомый из Мюнхена Герхард Ленц, о котором я вспомню ещё в одной из последую-

щих главок, к слову, женатый на дочери владельца одного из крупнейших в ФРГ концернов по производству чистящих и моющих средств, косметики и средств личной гигиены (с 1990 г. успешно работает и в России), пригласил нас с женой в ресторан «Тантрис» – один из лучших в столице Баварии в то время. В конечном счёте сам он из-за каких-то неотложных дел на ужин не явился, прислав вместо себя супругу со взрослой дочерью. Таким образом, я оказался единственным мужчиной в этой дамской компании, и, естественно, мне, как заведено, был поручен выбор вина. Когда я с ним, изучив обширную винную карту, наконец определился, владелица многомиллионного состояния, конечно же, зная толк во всём лучшем, что ассоциируется с виноградной лозой и не только, удостоила меня весьма уважительным взглядом.

В Германии мне довелось познакомиться и общаться с целым рядом небожителей кулинарного Олимпа. Среди них (не по иерархии, а по времени знакомства) – Герд Кэфер, Экарт Витцигман, Зигфрид Роккендорф, Герд Лафер, Ханс-Петер Водарц, Альфонс Шубек, Маттиас Буххольц. Большинство из них – обладатели звёзд Мишлена – наивысшего знака качества, присуждаемого заведениям с отменной кухней, постоянные ведущие популярных телепередач с кулинарным «уклоном», авторы роскошно изданных книг, раскрывающих секреты авторской кухни (экземпляры с дарственными надписями бережно хранятся в моей библиотеке).

Не только телепередачи с участием названных мастеров кухонного дела обнажают развлекательный потенциал, который несёт в себе, помимо вкусовых ощущений, кулинария.

Ханс-Петер Водарц, долгое время блиставший в качестве шеф-повара в ресторанах с одинаковым названием «Die Ente vom Lehel» в Мюнхене и Висбадене, где во главе меню всегда были блюда из утки, в один прекрасный момент почувствовал себя как бы стеснённым стенами своего заведения. Родилась идея соединить высокую кухню (опять же с уткой в центре внимания!) с развлекательной программой между подачами блюд или, как говорили в старину в России, переменами, в форме цирка-шапито. Всё это действие стало называться «Pomp Duck and Circumstances» и имело огромный успех во всех городах, где шатер-ресторан-цирк останавливался «на постой». Артисты во время представления живо общались со зрителями-клиентами, и это добавляло всему кулинарно-цирково-эстрадному развлечению особый шарм.

В этом смог, например, убедиться министр труда и социального развития России (2000–2004 гг.) А. П. Починков, когда мы с ним к обоюдному удовольствию посетили в Берлине данное кулинарное шоу. К тому же неожиданно во время представления у А. П. Починка и выступавшего там фокусника российского происхождения по имени Натан обнаружились общие знакомые в Москве, с которыми оба тут же связались по телефону. Для нашего гостя получился, таким образом, совершенно незабываемый вечер.

В последние годы признанный мастер высокой кухни Ханс-Петер Водарц «осел» в Берлине, где в ресторане Palazzo вместе с коллегой и партнёром по имени Коля Клееберг продолжает улаживать и развлекать гостей и гурманов. Блюда из утки в меню по-прежнему присутствуют (по утверждению Х.-П. Водарца, за многие годы их общее число в его руках уже перевалило за 1 500 000 особей).

Надо сказать, что почти в каждом российском посольстве за рубежом есть свой, командированный из Москвы штатный повар, как правило, из числа тех, что успели поработать в столичных ресторанах. Надо ли пояснять, что повар, наряду с личным водителем и врачом, для посла, пожалуй, наиболее значимое лицо из так называемого административно-технического состава а, сотрудники которого поддерживают повседневную жизнедеятельность посольства и его дипломатических работников.

В этом плане я полностью согласен с небезызвестным Шарлем Морисом де Талейран-Перигором, утверждавшим, что «лучший помощник дипломата – это его повар». Сей видный государственный деятель Франции и дипломат XIX века, конечно же, не раз проверил данный свой тезис на практике.

Но всё же главное, что отличает в условиях работы в диппредставительстве хорошего повара от «среднячка», – желание призванного на загранслужбу кулинара самосовершенствоваться, где для этого, понятно, есть все возможности.

Одному из наших поваров в посольстве России в Берлине я настоятельно посоветовал подавать гостям в качестве гарнира к определённым блюдам не консервированную, а свежую спаржу, особенно если это май-июнь – пик сезона для урожая данной культуры. Объяснил, как её готовить (речь при этом шла о белой спарже, которая в изобилии культивируется, например, в Беелитце под Берлином), предложил повару сделать «пробный вариант» блюда.

– Ну как? – спросил я его через пару дней. – Удалось приготовление? Как была спаржа на вкус?

– Нормально, – коротко и как-то не очень уверенно, как мне показалось, ответил повар, – правда, спаржа получилась чуть-чуть жестковатой...

Удивившись, я поинтересовался, всё ли наш кулинар сделал так, как я ему говорил. Оказалось, почти всё, за тем исключением, что спаржу он перед приготовлением помыл, однако не очистил (видимо, перепутав белую с зелёной, зачастую не требующей такой процедуры, за исключением нижней части стебля). Так что иногда всё же надо точно следовать рецептам либо советам знающих людей.

В сезон появления в продаже свежих устриц (в Германии гурманы определяют это по месяцам, названия которых на немецком языке заканчиваются на «г») мы с несколькими берлинскими друзьями, как правило, в обеденный перерыв, направлялись в «Галери Лафайет» на Фридрихштрассе, неподалёку от нашего посольства. Завсегдатаями таких «устричных посиделок» проявили себя, в частности, адвокат Штефан Шнайдер и лингвист Роберт Коцон, иногда к нам присоединялся бизнес-консультант Кристоф Гирт, а также супермодный нынче модельер Харальд Глэклер, о котором будет рассказано ниже.

Нас влекла туда проводившаяся два раза в год в ресторанной части универмага на цокольном этаже акция «Устрицы для всех!» по смешным для этого деликатеса ценам.

Проходившие мимо нашего столика покупатели с благоговением и даже порой некоторым ужасом поглядывали на огромные блюда со 120 устрицами, которые нам предстояло одолеть в компании с бокалом «Шабли», «Шардонне» из разряда светлых бургундских вин или (что для меня лично предпочтительнее в данном случае) «Сансер», относящегося к региону Бордо, точнее, к долине Луары.

Запомнились и посещения когда-то культового, но и по сей день не растерявшего свой шарм «Париж-бара» с верными друзьями из банковских и прочих деловых кругов Зигфридом Бергером и Юлианой Мюллер, а также моим однокашником по Московскому суворовскому военному училищу Стасом Наминым, посещавшим Берлин.

Этот ресторан с в общем-то непримечательной кухней, расположенный на Кантштрассе, где в конце 80-х – начале 90-х годов охотно селились выходцы из СССР, долгое время манил к себе, в основном, изысканным кругом общения.

Конечно, такие застолья (мы также довольно часто приглашали немецких партнёров и друзей к себе домой, что в ФРГ, да и не только там, высоко ценится как проявление особого уважения и душевного расположения) служили не столько разлечению и удовлетворению физиологических потребностей в пище, сколько закреплению контактов, а нередко и решению в неформальной атмосфере конкретных вопросов двусторонних отношений. Ведь не случайно существует в дипломатии такой термин, как рабочий обед (ужин в межгосударственных отношениях чаще носит формальный, то есть следующий определённым правилам и процедурам характер), где сам «закусон» – скорее побочный процесс, а несущий элемент – продолжение переговоров, только в другой, более располагающей к общению обстановке.

В Бонне-Бад Госдесберге, напротив железнодорожного вокзала, с 1949 года и по сей день существует ресторан «Матернус», названный так по имени владелицы – Рии (вообще-то

Марии) Матернус. До своей кончины в 2003 году в возрасте 87 лет Риа оставалась душой и сердцем боннской, а затем (после переезда федеральных властей в Берлин и несмотря на это) берлинской и зарубежной политэлиты. В качестве хозяйки внешне непритязательного, но домашнему уютного, небольшого по своей площади заведения она принимала, например, Г. Трумэна, и Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди и Р. Никсона, Ш. де Голля и М. С. Горбачева, не говоря уже о главных действующих лицах ФРГ.

Гости, понятно, не только наслаждались блюдами отличной региональной кухни, но и вели беседы, иной раз на довольно щекотливые в политическом плане темы. Но, как отмечают в унисон все друзья и поклонники Рии, ни слова из того, что говорилось в ресторане, не утекало за его пределы.

У Рии Матернус не было своих детей (уже в преклонные годы она усыновила своего шеф-повара, который проработал у неё 40 лет), поэтому она в былые времена нередко заводила с теми из своих гостей, кто был ей особо симпатичен, разговоры о передаче ресторана в наследство либо просто в дар. Нам с женой это также предлагалось Рией, правда, мы хорошо понимали, что оторвать своё детище от души хозяйка ещё долго не сможет. Да и вообще: что бы мы делали в тех условиях с таким великодушным презентом?

Но без подарков с её стороны мы не остались: Риа настояла на том, чтобы передать мне часть своей обширной библиотеки политлитературы, среди которой немало было экземпляров с автографами высокопоставленных авторов книг (сейчас они перекочевали из моего дома на кафедру немецкого языка МГИМО, где, как я надеюсь, пригодятся в работе преподавателям и студентам). Так что и на этом примере, на мой взгляд, очевидна неразрывная связь дипломатии и кулинарии.

Надо понимать, что кухня той или иной страны – составная часть её культурного профиля и генетического кода. Поэтому важно знать её особенности, попробовать все, что для нас, в широком смысле, съедобно, и поделиться такими знаниями с родными, близкими, коллегами и друзьями, что я с помощью этой книжки со своей стороны отчасти и делаю.

Аугуст Ф. Винклер, рождённый в Австрии гуру немецкой кулинарной журналистики («их Похлёбкин»), отмечал: «В принципе не следует сомневаться в том, что голод и жажда – самые верные попутчики человека... Они не обходят никого и мучают всякого – и глупого, и мудрого, и слабого, и сильного, и женщину, и мужчину. И хорошо, что аппетит ненасытен, потому что вечная сытость означала бы конец всех надежд и также лишила бы нас прекрасных и притягательных переживаний».

Но мы же не хотим лишиться всего этого?

Как человек, которому близка кулинария, я старался, работая в Берлине, каждый год посещать крупнейшую международную выставку-ярмарку в столице ФРГ *Grüne Woche* («Зелёная неделя»), специализирующуюся на презентации продукции пищевой промышленности, садоводства, сельского и лесного хозяйства.

Посетители выставки, помимо осмотра достижений той или иной страны в указанных сферах, могут тут же попробовать за достаточно умеренную плату экзотические продукты, включая, например, мясо кенгуру или крокодила, а также разного рода напитки и вина со всего мира. В общем, в представлении рядового посетителя-неспециалиста, все это – огромная «объедаловка», где люди могут провести (и проводят!) с наслаждением полдня, а то и больше.

В первый раз, в начале 90-х годов, на нас крайне тягостное впечатление произвёл российский «стенд» на выставке, состоявший тогда из двух грубо сколоченных книжных полок с парой скомканных невзрачных проспектов на них и надписью наверху этой жалкой конструкции на двух языках: «Калининградская область». Больше там не было ничего.

Во второй раз, через год, уже появились два стенда с кое-какими продуктами питания из нашей страны, размещённых, правда, из-за позднего оформления российского участия в про-

тивоположных концах большого выставочно-ярмарочного комплекса. Все это, понятно, разочаровывало.

Провожая в аэропорт впервые участвовавшего в той «Зелёной неделе» министра сельского хозяйства России А. В. Гордеева (сегодня Алексей Васильевич – Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе), я откровенно высказал ему свои негативные впечатления относительно отечественного «вклада» в экспозицию. Поделился также рядом идей о том, как нам бы виделось полноценное участие России в выставке-ярмарке, включая, например, фольклорное шоу, дегустации продуктов, работу ресторана русской кухни в рамках национальной экспозиции и т. п.

Министр, надо отдать ему должное, со всем вниманием выслушал меня, пока мы ехали в аэропорт.

И вот случилось: на следующий год выставочная площадь в 2000 кв. м была заказана вовремя, российская экспозиция блистала разнообразием выставочного материала и экзотикой русского Севера с ансамблем из Чукотки. Там же гостеприимно предлагал свои кулинарные творения известный московский ресторан «Пушкин», появившийся в российской столице, как читатель наверняка помнит, благодаря чудесной песне Жильбера Беко «Натали».

Тогда уже сложилась традиция приглашать от и мени посольства ведущих сотрудников МИД ФРГ и Ведомства федерального канцлера, занимающихся вопросами германо-российских отношений, на осмотр нашей экспозиции (которая в дальнейшем занимала уже площадь в 5 тыс. кв. м) с последующей дегустацией блюд ресторана «Пушкин». Немецкие коллеги быстро успели привыкнуть к такого рода экскурсиям «с довеском» и искренне ими (вместе с нами) наслаждались.

Со временем (в 2006 г.) Россия была выбрана даже в качестве страны-партнёра, то есть главным экспонентом «Зелёной недели», что вполне отвечало сельскохозяйственному потенциалу нашей страны в те годы, не говоря уже о сегодняшних российских возможностях в этой области.

Не знаю, кто больше потерял от санкций и антисанкций, но ясно, что в целом не выиграли от этого ни Германия вместе с другими европейскими партнёрами, ни Россия.

Архангелы пятизвёздного неба

В силу разного рода должностных обязанностей мне приходилось много раз тесно общаться с директорами (или генеральными менеджерами, если именовать их на англосаксонский манер) лучших, преимущественно пятизвёздных отелей в разных частях Германии.

Это объясняется не каким-то стремлением к шику, а тем обстоятельством, что в таких гостиницах, как правило, имеющих наивысший стандарт безопасности, размещаются высокопоставленные гости из-за рубежа, в том числе и из нашей страны, включая главу государства, в ходе официальных и рабочих визитов. Также эти отели служат удобной и качественной «площадкой» для различного рода протокольных мероприятий (обедов, ужинов, приёмов типа фуршет и т. п.) с участием VIP-персон, где уровень обслуживания должен, как говорится, соответствовать.

Такой же практики, надо сказать, придерживаются и наши иностранные коллеги по дипломатическому корпусу. Причём не только в Германии, но и по всему миру.

В равной степени и правительство ФРГ, и другие высшие германские инстанции выбирают «пять звёзд» для своих мероприятий, «расквартирования» лидеров иностранных государств и их нередко весьма многочисленной свиты, включая сотрудников служб безопасности. У американцев, например, их число может составлять от нескольких сотен до тысячи человек и даже более.

В такие дни весь персонал отеля, что называется, «стоит на ушах». Хотя все параметры обслуживания высоких иностранных гостей заранее обсуждаются и согласовываются вплоть до мельчайших деталей, всё-таки накладки порой случаются, доводя директоров гостиниц чуть ли не до инфаркта. Легко можно представить себе, насколько им приходится поэтому быть стрессоустойчивыми, способными к быстрому нахождению и принятию оптимальных решений, по сути, в обстановке, «приближающейся к боевой».

Досадно, например, когда гостиничный лифт с главным гостем вдруг застревает, хотя бы и на короткое время (такие случаи на моей памяти бывали). Или же когда постояльцу «президентских» апартаментов подают завтрак, а в баночке с йогуртом он обнаруживает плесень. Естественно, весь завтрак отсылается назад. Неудовольствие и испорченное настроение гостя на весь день запрограммировано.

Такое произошло, например, во время визита в Берлин первого Председателя Госдумы России с ним самим (фамилию не называю – она и так всем известна, в том числе по причине нескольких странных историй, в которых он в своё время фигурировал как главное действующее лицо).

Приехав утром в отель «Интерконтиненталь», где глава нижней палаты российского парламента разместился со своей делегацией, я встретил на входе вконец расстроенного директора гостиницы, весьма уважаемого в профессиональных и политических кругах столицы ФРГ Вилли Вайланда, который рассказал мне о случившемся и сообщил, что намерен дожидаться появления гостя в холле, чтобы лично принести ему извинения за досадный инцидент.

Утешив, как мог, г-на Вайланда, я посоветовал ему (не без задней мысли), помимо извинений, презентовать гостю пару бутылок хорошего красного вина, чтобы тот, следуя законам психологии, запомнил скорее этот дружеский жест, чем эпизод с некачественным молочнокислым продуктом.

Такая идея пришла мне в голову неслучайно. Дело в том, что накануне, в день прибытия в Берлин, наш главный парламентарий сумел немало удивить своих германских партнёров. Из самолёта он вышел не с пустыми руками, а с большим букетом цветов, который тут же, на лётном поле, без долгих предисловий вручил Председателю бундестага ФРГ Рите Зюсмут. Благородная дама была несколько смущена таким «атакующим» знаком внимания со стороны

российского гостя, но цветы с удовольствием приняла и, «вооружённая» букетом, проводила коллегу до выделенного ему представительского автомобиля.

Поскольку день был воскресным, других официальных встреч для гостя из России с германской стороны намечено не было, но на неформальный обед в одном из симпатичных ресторанов на, пожалуй, красивейшей площади Берлина – Жандарменмаркт, его с делегацией гостеприимные немцы, разумеется, пригласили. Роль хозяина застолья взял на себя один из заместителей председателя Палаты депутатов – парламента Берлина, имеющего статус федеральной земли (или, в нашем понимании, субъекта федерации).

Атмосфера за столами была расслабленная, свободная. Хозяева и гости мило беседовали, смеялись, демонстрируя хорошее настроение и, можно сказать, сочетаемость в уютной компании. Постепенно дошло дело и до тостов. Инициаторами выступили, естественно, российские представители. Главный гость поднялся со стула с бокалом красного вина в руке и, обедая взглядом мужскую часть застолья, жестом свободной руки побудил джентльменов также встать при словах: «Давайте же выпьем за присутствующих за нашим столом женщин! И, как у нас говорится, гусары за дам пьют стоя и до дна!»

С этими словами главный российский парламентарий залпом осушил винный бокал и, удовлетворённый, сел на своё место. Хозяева, понятно, были в шоке: они, в силу распротранённого в Германии, да и вообще на Западе, известного заблуждения насчёт швыряния русскими водочных стопок через плечо об стенку, были внутренне готовы к подобного рода сюжету. Если бы за столом подавалась водка. Но выпивание залпом бокала красного вина было для них, мягко говоря, внове. Поэтому на какое-то мгновение немцы растерянно замолчали, оглядывая друг друга, потом пригубили, как у них положено, вино в бокале и как-то медленно и тихо приземлились на свои стулья. Конец обеда, по моему впечатлению (я сидел за соседним столом, откуда мне пришлось вблизи наблюдать всю эту сцену), был в результате как-то скомкан, и, кажется, до десерта его участники уже не дошли...

Вилли Вайланд сразу схватился за мою идею с «извинительным» винным презентом для российского гостя и немедленно отдал указания на сей счёт вышколенному персоналу отеля. Не знаю, чем завершилась эта история в конечном итоге, но почти уверен, что совет мой пришёлся вовремя и к месту. Во всяком случае, после этого наши добрые отношения с первым лицом «Интерконтинентала» ещё более окрепли. Можно сказать, что директор сетевой либо известной «частной» пятизвездной гостиницы в Германии, перефразируя Е. А. Евтушенко, – больше, чем директор. В любом случае это весьма уважаемый в высших слоях общества человек. Считается, что ему «по должности» доступны многие секреты сильных мира сего, которые он, конечно же, твёрдо держит при себе. Многое зависит от его умения создать надлежащую атмосферу для пребывания высокопоставленных постояльцев в отеле, включая способность угождать всякого рода возможным капризам, «служить с достоинством», быть «невидимым», когда это нужно, и тут же появляться в тот самый момент, когда его присутствие требуется.

В этом отношении образцом такого директора, в моём понимании, был генеральный менеджер, пожалуй, лучшей «традиционной» гостиницы Штутгарта – «Штайгенбергер отель граф Цеппелин», расположенной прямо напротив главного вокзала столицы Баден-Вюртемберга. У него была редкая, несколько курьёзно звучащая фамилия Негг (в переводе – господин). Этот самый «г-н Господин», казалось бы, ежеминутно и ежечасно, независимо от времени суток, будто бы невидимо присутствовал где-то рядом в воздухе, словно Чеширский Кот, и материализовывался точно тогда, когда в нём возникала потребность.

Помнится, как-то в три с лишним часа ночи, когда мы с тогдашним помощником премьер-министра земли Баден-Вюртемберг, моим верным другом Хансом-Петером Менгеле, сидя в кабинете директора гостиницы, который он нам любезно предоставил для работы над черновым проектом документа о сотрудничестве Правительства СССР со всемирно известным концерном «Даймлер-Бенц», закончив сей нелёгкий труд, захотели выпить по бокалу пива.

Кажется, это был «Кёниг пильзенер». И ровно через семь минут (время, необходимое для «налива и отстоя пены» данного сорта напитка) по мановению руки директора, появившегося как бы из ничего, мы получили вожаденную янтарную жидкость.

Для гостиничных боссов, по сути, железное правило – 6–7-дневная рабочая неделя, 14–16, а то и 18-часовой рабочий день. Они не имеют права на плохое настроение, повышенный тон речи (если только там, за кулисами жизни отеля, которые не видят его гости), обязаны знать своё гостиничное хозяйство в буквальном смысле слова «от подвала до крыши». Они должны быть всевидящи, всеслышащи и всёпонимающи. И быть для своих гостей помощником во всех случаях жизни.

Так, по крайней мере, считает Рихард Шмитц, 32 года жизни которого были связаны с одним из лучших отелей Германии и, пожалуй, всей Европы – «Бреннерс Парк-отель» в Баден-Бадене (из них 27 лет он прослужил в качестве его генерального директора). Эта пятизвездная гостиница со всем мыслимым и немыслимым комфортом, начиная с 1872 года, принимала и принимает, в том числе гостей из России, из разряда тех, что могут позволить себе данную роскошь (хотя, надо признаться, цены на проживание в ней, несмотря на курортный статус города, всё же ниже, чем в сопоставимых по «звёздности» гостиницах Москвы или Санкт-Петербурга). В 1996 году здесь останавливался и первый Президент России.

Рихард Шмитц за три десятилетия стал легендой гостиничного бизнеса ФРГ. Ему жали руку и просили содействия короли и президенты, премьер-министры и миллиардеры, звёзды кино, оперы и эстрады. Ему нередко приходилось играть и роль сопровождающего при прогулках гостей по парковой Лихтенталер Аллее, на которой расположен отель, и компетентного советчика во время шопинга шейхов из стран Персидского залива, приезжавших подлечиться в Баден-Баден. И даже поручителя за проигравшегося в пух и прах в местном казино саудовского миллиардера А. Хашогги, обычно не носившего с собой в карманах из наличных ни доллара, ни цента (потом, правда, Р. Шмитц, по собственному признанию, слегка дрогнувший при виде проигранной суммы – 1,5 млн марок ФРГ или, по-нынешнему, примерно 750 тыс. евро, довольно быстро получил от «неудачника» чек, чтобы рассчитаться с астрономическим долгом перед игорным заведением).

Франк Марренбах, нынешний генеральный директор «Бреннерс Парк-отель», успешно продолжает заложенные предшественником традиции, твёрдо следуя его завету: «Тот, кто перестал самосовершенствоваться, перестал быть пригодным для своего дела».

Одной из примечательных черт абсолютного большинства директоров пятизвездных отелей в ФРГ, с которыми мне довелось общаться, было их стремление и внешне соответствовать статусу руководимого ими заведения, то есть всегда быть одетыми элегантно, «с иголочки», со вкусом, в то же время умеренно консервативно, так сказать, по «классической» моде. Иными словами, директор такого отеля должен всегда быть «при параде» как в «своей» гостинице, так и вне её. Тем более что ему приходится, во всяком случае, в таком городе, как Берлин, чуть ли не каждый день принимать участие в качестве почётного гостя в самых различных мероприятиях, как сугубо официальных, с соблюдением протокола, так и более расслабленных, но не менее строго нацеленных на то, чтобы и приглашённые соответствовали рангу события, и дресс-код был не слишком вольным.

Как правило, гостичные боссы в незнакомом для вас немецком городе – наилучший «справочник» для тех, кто хочет подыскать себе хорошего портного. Причём это не всегда должен быть так называемый индпошив (Maßschneiderei). Иногда бывает достаточно заказать костюм без первой примерки, ориентированный в целом на существующие стандартные размеры, но в конечном итоге тщательно подогнанный под особенности конкретно вашей фигуры (Maßkonfektion). Второй вариант, кстати, существенно экономичнее, без ущерба для качества материала и для того, насколько хорошо костюм «сидит» на вас.

Во власти этих архангелов пятизвездного неба – даже сделать возможным открытие в неурочный час модного бутика для забывших про подарок жене на день рождения вип-клиентов (на этот случай в дирекции припасены частные телефонные номера хозяев магазинов, которые, как правило, реагируют «на беспокойство» с пониманием).

Директора отелей, вообще, – кладезь полезной информации практически всякого рода. Они всегда должны быть готовы дать высокопоставленному (да и любому другому) гостю квалифицированный ответ на любой вопрос. Они ориентируются не только в тонкостях дипломатического протокола и этикета, кулинарной практики, виноделия и винопития, но и, как у нас говорят, политически подкованы, в курсе событий в Германии и в мире, разумеется, воздерживаясь от их той или иной «индивидуальной» трактовки. В этом смысле своего рода постоянный нейтралитет – закон их профессиональной жизни.

Нашим любимым отелем в Берлине долгое время был внесетевой, вошедший в престижный список «Ведущих отелей мира»

«Палас», расположенный в самом центре западной части города, уютный, в некотором роде камерный, с «коронованным» звездой «Мишлена» рестораном высокой кухни «First Floor» (функционировал до 2015 г.), с отличной службой кейтеринга, которой российское посольство не раз, к удовлетворению нас самих и гостей наших мероприятий, неоднократно пользовалось.

Директор «Паласа» Курт Лерке, который возглавлял эту гостиницу на протяжении 30 лет, оптимист по натуре, открытый миру человек, каким, собственно говоря, и должен быть гостиничный босс, всегда был доброжелателен и улыбчив, на ходу улавливая, казалось, даже сокровенные пожелания своих гостей и бизнес-партнеров. С ним нам очень хорошо и комфортно работалось. Курт Лерке сделал ресторан «First Floor», где долгое время творил прославленный шеф-повар Маттиас Буххольц (о нём и других выдающихся представителях его профессии читатель уже знает), весьма популярным в городе местом деловых встреч и неформального общения верхнего слоя берлинской публики. Её представители особенно ценили упоминавшуюся мной камерность и приватность «Паласа» вкупе с отличным и в то же время дискретным сервисом, изысканной кухней и отборными винами.

При всём этом Курт Лерке сохранял в своей душе задорный романтический настрой: уже будучи в зрелом возрасте, он влюбился в молодую, симпатичную тайку, сыграл с ней весёлую свадьбу, разумеется, в Таиланде, и, насколько я знаю, наслаждается сейчас беззаботной жизнью в тропическом тепле с неповторимой тайской экзотикой.

Он это, безусловно, заслужил.

Сколько стоит посольство России?

После развала СССР нашлось, как известно, немало охотников поживиться тем, что составляло имущественное достояние былой супердержавы, включая зарубежную собственность (здания посольств, консульских учреждений, торговых представительств, культурных центров и занимаемые ими земельные участки).

С бывшими союзными республиками было оформлено так называемое нулевое соглашение, согласно которому они отказались в пользу России от долей в этой недвижимости, а Россия, в свою очередь, взяла на себя оплату их внешнего долга в согласованных пропорциях (и аккуратно выплатила его). Правда, Украина, также подписавшая соответствующий документ, потом годами упорно препятствовала перерегистрации на Россию собственности СССР, пытаясь всеми правдами и неправдами отхватить для себя какой-либо лакомый её кусочек.

Как-то в 1992 году в берлинское отделение посольства России (до этого – посольство СССР в ГДР, а в 1999 г., после переезда правительства ФРГ, бундестага и иностранного дипкорпуса из Бонна в Берлин, и по нынешний день – посольство России в объединённой Германии) заявила троица солидно выглядевших немецких джентльменов с предложением к нам продать «за хорошую цену» здание посольства, которое, мол, для нашей скукожившейся в результате известных беловежских событий страны теперь стало-де «слишком велико».

В качестве альтернативы нынешней дислокации был озвучен привлекательный, с точки зрения визитёров, вариант переезда посольства на другую сторону той же исторической берлинской улицы Унтер-ден-Линден во «вполне подходящие» помещения, которые прежде занимало диппредставительство Франции.

Надо сказать, что здание нашего посольства, о котором ведётся речь, уникально по своему характеру и масштабам, построено в 1949–1951 годах на месте дворца, служившего с 1837 по 1941 год для размещения дипломатической миссии царской России, а затем и СССР. Достаточно упомянуть, что только площадь так называемых представительских, великолепно выглядящих, любовно отреставрированных помещений в посольстве, где проводятся разного рода приёмы, концерты и другие мероприятия, составляет 1500 кв. м. Не зря же немцы прозвали его «берлинский Кремль».

Как нам было пояснено, сделку по купле-продаже этой жемчужины советской архитектуры предлагается осуществить от имени хорошо известного в ФРГ на тот момент девелопера – д-ра Юргена Шнайдера, сделавшего себе имя на «послеобъединительной» реставрации исторических объектов во Франкфурте-на-Майне, Лейпциге, Мюнхене и Берлине.

Гости развернули перед нами весьма убедительно выглядевшие глянцевые буклеты с творениями команды Ю. Шнайдера, что должно было, по-видимому, подчеркнуть солидность, надёжность и финансовую состоятельность возглавляемой им на паях с супругой компании, имевшей самую простую правовую форму – Gesellschaft bürgerlichen Rechts (так называемое общество гражданского права), которое даже не надо вносить в торговый реестр. Это уже само по себе было несколько странно. Но сами посетители своим видом и манерой поведения и рассуждений как бы давали понять, что никаких сомнений насчёт выгоды для нас возможной, по их убеждению, сделки быть не должно.

К тому же один из визитёров был мне лично знаком: в 1978 году, то есть за 14 лет до этой новой встречи, мы с ним пообедали в его офисе в компании одного из генералов МВД СССР, который приезжал в Бонн для обмена опытом с западногерманскими коллегами в связи с предстоявшей в Москве Олимпиадой-80. Тогда наш гостеприимный хозяин был главой аналогичного профильного ведомства ФРГ, то есть федеральным министром. Помнится, он передал нам для изучения копию конфискованного у «Фракции Красной Армии» (террористическая

группировка тех лет, орудовавшая в Западной Германии) рукописного «учебника» для террористов, подготовленного ими самими для своих последователей.

Но сейчас этот бывший министр раскладывал перед нами цветные буклеты, даже показал мне «по секрету» какую-то бумагу, составленную неким «информированным источником», из которой-де ясно следовало, что русские на фоне возникших у них «политических пертурбаций» и серьёзных финансовых трудностей решили продать посольский комплекс в Берлине, и этот шанс для девелоперов упускать, дескать, никак нельзя.

Пришлось долго и упорно разубеждать незваных гостей в существовании намерения российской стороны торговать советской недвижимостью в Берлине, тем более имеющей столь значимые исторические корни. Мы напомнили им, что масштабы нашей страны (занимающей теперь пусть и не 1/6, а «всего лишь» 1/7 суши Земли), её вовлеченность в мировые дела и влияние на их ход, объём и качество связей с ФРГ, которые после объединения двух германских государств, как легко можно было предполагать, будут только наращиваться и укрепляться, опрокидывают все «прогнозы» насчёт «сокращения» российского дипломатического присутствия в Берлине. Поэтому о своих предложениях гостям следует забыть и заняться другими, более перспективными девелоперскими проектами.

– Но вы всё-таки не спешите, господин Поленов, – мягко, но в то же время весьма настойчиво уговаривал меня бывший федеральный министр, – мы приглашаем вас сегодня вечером на ужин в один прелестный ресторанчик. Давайте ещё раз, в неформальной обстановке, за бокалом хорошего вина всё спокойно обсудим. Возможно, тогда наши аргументы покажутся вам более убедительными...

Я согласился поужинать с ними в «прелестном» ресторане, тем более что тогда, в начале 90-х, по-настоящему хороших ресторанов в Западном Берлине было не так уж и много, а в восточной части города такого рода заведения практически начисто отсутствовали. Но сразу твёрдо предупредил, что надеяться на успех затеи с продажей-покупкой нашего посольского комплекса им ни в коей мере не стоит.

За ужином в ресторане «Старый Люксембург» мы с бывшим министром вспоминали о нашей прежней встрече, обменивались мнениями о том, по каким направлениям стоило бы в первоочередном порядке развивать российско-германские отношения. Ужин был изысканным, французское бордо, которое мы пили, – отменным, разговор – приятным, но ничего не значившим и, конечно, ни к чему не приведшим. Как я, собственно говоря, и обещал.

Больше «шнайдеровцы» у нас не появлялись. Прошло два года, и из прессы мы узнали, что благообразный и тщеславный (носил парик, прикрывавший обширную лысину), внушающий клиентам и банкирам доверие д-р Юрген Шнайдер в одночасье благополучно скрылся за пределами Германии, оставив долгов на сумму почти 5,4 млрд марок ФРГ (примерно 3,9 млрд евро в пересчёте на нынешнюю покупательную способность) и прихватив с собой пару сотен миллионов марок «на пропитание». Ещё через год Ю. Шнайдера (уже без парика) поймали в Майами и приговорили к 6 годам и 9 месяцам тюрьмы. Из этого срока он отсидел две трети, в декабре 1999 года вышел на свободу, написал три книги и вновь попался в руки юстиции, но уже из-за афер помельче.

С тех пор я пару раз встречал бывшего федерального министра, который пытался по поручению Ю. Шнайдера купить посольство России. Он был со мной по-прежнему приветлив. О несостоявшейся сделке мы с ним не вспоминали. Тем более что, как я понял, он поставил свой девелоперский (точнее посреднический) опыт на службу уже другому крупному игроку в сфере недвижимости, как хотелось бы верить, без криминальных замашек, как у его прежнего «хозяина».

Единственное, о чём я теперь, по прошествии многих лет после этой истории, жалею, это то, что я так и не поинтересовался у тогдашних своих собеседников, сколько же всё-таки

д-р Ю. Шнайдер готов был предложить за наше посольство из своего объёмного кредитного портфеля. Любопытно же...

Посольство мы таким образом «отстояли». Но вот происходившее с Российским домом науки и культуры («Русский дом») в Берлине примерно в то же время могло обернуться куда более драматичными последствиями.

Для «заинтересованных лиц» этот крупнейший зарубежный культурный институт в мире, объект общей площадью в 29 000 кв. м, расположенный на одной из центральных улиц столицы ФРГ – Фридрихштрассе, напротив «Галери Лафайет», представлял особую привлекательность.

Группа нечистых на руку немецких дельцов, сумевших каким-то образом заручиться поддержкой российских правительственных структур, чуть было не завладела этой нашей недвижимостью тогдашней рыночной стоимостью, предположительно, в 500 млн марок ФРГ. Письма за подписью вице-премьера Правительства России М. В. Полторанина и гонорара в 10 тыс. марок для местного нотариуса оказалось достаточно для того, чтобы формально-юридически перевести РДНК под управление спешно созданного для целей отъёма российской собственности «общества», которое тут же заявило о своих правах на «Русский дом».

Понятно, что как только берлинскому отделению посольства стало известно об этой афере, мы в тесном контакте с руководством «Росзарубежцентра» (ныне – Россотрудничество) в лице обожаемой всеми нами В. В. Терешковой и курировавшим его другим вице-премьером А. Н. Шохиним стали всячески препятствовать её реализации. Даже внесли официальный протест против перезаписи РДНК в кадастровой книге с СССР на Россию в качестве собственника (хотя годами добивались этого в отношении всех объектов нашей недвижимости в Германии), что удалось провернуть новым его «владельцам», чтобы только остановить процесс окончательного перехода объекта в их распоряжение.

Борьба за здание РДНК (надо отметить, что земельный участок под ним – собственность ФРГ) развернулась нешуточная, с вовлечением в неё высшего руководства России. Наше сопротивление активно пытались сломить: последовали требовательные звонки в отделение посольства руководителя Администрации Президента Российской Федерации тех времён. Сам видел грозную рукописную резолюцию Б. Н. Ельцина тогдашнему министру иностранных дел А. В. Козыреву по поводу торпедируемой нами передачи РДНК указанному «обществу» под создание некоего «Российского информационного центра»: «Больше предупреждать не буду!» Только мы не испугались.

Слава Богу, что из этой аферы в конечном счёте ничего не вышло. Правда, потребовались многие месяцы немалых усилий и существенные средства, затраченные «Росзарубежцентром» на адвокатов, чтобы не дать жуликам и шанса покуситься на нашу государственную собственность. Но нервы нам, конечно, та история тогда изрядно попортила.

Как мы покупали письмо Ильича

В те времена, когда ни у кого из нас не было сомнений насчёт непреходящего величия классиков марксизма-ленинизма и их бессмертных идей, понятно, высоко ценились оригиналы их творений, переписка и прочие автографы. Причём не только у нас, в Советском Союзе или братских социалистических странах, но и на Западе, откуда, собственно говоря, и пришли к нам мудрые мысли и планы будущих революционных свершений.

Как-то я из любопытства листал впервые попавший мне в руки каталог аукционного дома Stargardt, специализировавшегося на продаже автографов знаменитых личностей всего мира. Натренированным взглядом атташе по культуре, коим я на тот момент являлся, мне удалось сразу же выделить потенциально интересные для Москвы, как я посчитал, отдельные письма К. Маркса и Ф. Энгельса англичанину Дж. Олсону, письмо В. И. Ленина (на немецком языке; надо признаться, с ошибками) германской соратнице Кларе Цеткин и формуляр Бернской библиотеки с подписью «В. Ульянов» и обозначением в графе «профессия» его рукой «журналист». Эти документы в числе многих других автографов выставлялись на аукцион, который должен был состояться в Марбурге через некоторое время.

Решили, посоветовавшись с послом Ю. А. Квицинским, на всякий случай сообщить о них в Москву. Понятно, что мы также информировали, как у нас говорят, Центр и об изначальной стоимости раритетов (эстимейт) и предполагаемой нами (скорее по наитию, поскольку опыта в этих делах мы не имели) конечной их покупной цене.

И вот неделю спустя мы получаем указание постараться приобрести на аукционе, по возможности, все четыре документа. На всё это нам выделялось (как я понимаю, из партийных денег) 300 тыс. марок ФРГ (примерно 150 тыс. евро).

Посол, прочитав шифртелеграмму, протянул её мне, лукаво прищурился в свойственной ему манере и молвил:

– Ты всё это заварил, ты и расхлёбывай!

Так и пришлось мне собираться в Марбург. Конечно, никаких наличных средств мне не дали, а вручили бланкочек с необходимыми заверительными подписями, в котором мне только оставалось – в случае удачи на аукционе – проставить требуемую сумму.

Не скрою, что меня это сильно напрягло – а вдруг чек у меня в пути похитят. Поэтому я настоял на том, чтобы в качестве сопровождающего и своего рода «охраны» мне дали офицера безопасности, который есть практически в каждом, тем более крупном по количественному составу посольстве и является, как правило, выходцем из спецслужб.

Выяснив, что интересующие нас документы будут представлены на аукционе во второй половине дня, мы всё же решили приехать туда к самому началу, чтобы осмотреться и понять, как всё это будет происходить на деле. Записались мы в список участников под своими фамилиями, сознательно не указав, что представляем советское посольство, с тем чтобы не побуждать аукционаторов поднимать цены (так мы, во всяком случае, размышляли, «конспиративно» пробираясь в зал).

По виду присутствовавших большинство их составляли сотрудники музейных учреждений либо специализированных магазинов. В то же время там находились и «простые» коллекционеры автографов или их представители.

Пока суть да дело, мы решили как-то распределить предоставленную нам для покупок сумму на каждый из четырёх документов так, чтобы затем не прослыть в Москве бездумными растратчиками партийных денег. Наименьшая доля досталась, понятно, формуляру Бернской библиотеки. Одинаковые, достаточно внушительные суммы предназначались нами для писем К. Маркса и Ф. Энгельса, чуть меньше средств мы выделили для эпистолы В. И. Ленина К. Цеткин.

После этого нам стало как-то спокойнее. Мы заинтересованно наблюдали за происходящим: разыгрывались в основном лоты с автографами известных писателей и поэтов. Среди них оказалось и письмо Н. В. Гоголя. Эстимейт, насколько помнится, составлял 45 тыс. марок. Однако, куплен был документ в конечном счёте за 120 тыс. марок!

Мы на этом фоне заметно погрустнели. Ведь при всем уважении к классику русской литературы авторы коммунистических теорий и организатор Октябрьской революции, как нам представлялось, должны были цениться среди коллекционеров выше. Следовательно, наши шансы выполнить поручение Центра могут оказаться совсем не велики. А я уже в это время начинал, пожалуй, впервые в своей жизни, чувствовать почти непреодолимый азарт, как в большой игре с высокими ставками.

И тут мне пришлось охолодеть, поскольку я вдруг увидел, как в зал неспешно входит Максимилиан Шелл – оскароносец, один из самых известных в мире немецкоязычных актёров и режиссёров, на тот момент муж нашей всеми любимой «Мэри Поппинс» – Натальи Андрейченко.

В лице М. Шелла у меня появился прямой конкурент, поскольку я точно знал, что он – страстный собиратель автографов великих людей (видел часть его внушительной коллекции в доме актёра в Мюнхене, где не раз бывал у него в гостях).

Моя первая встреча с Максимилианом Шеллом состоялась весной 1986 года в Бонне, когда он вместе с Натальей Андрейченко пришёл к нам в посольство, чтобы пожаловаться на наши порядки касательно въезда иностранцев в СССР. Тогда ему, законному мужу советской гражданки, чтобы поехать к жене в Москву, где у Н. Андрейченко, понятно, имелась квартира, нужно было непременно оформить гостиничный ваучер, иначе виза на въезд ему быть выдана не могла. Согласитесь, ситуация – анекдотическая, но такие строгости были у нас в те времена. В конечном счёте мы нашли приемлемое решение для необычной и блистательной супружеской пары. Макс и Наташа были этому очень рады, и первая встреча с ними стала началом нашей дружбы.

Надо сказать, что М. Шелл в личном контакте сразу произвёл на меня неизгладимое впечатление (описывать неземную красоту Н. Андрейченко и несравненное очарование её улыбки я здесь не буду, поскольку они и так всем хорошо известны). Взгляд сверкающих чёрных глаз Максимилиана, как бы зовущих собеседника погрузиться в глубину его интеллекта, просто приковывал к себе. Чёрный шарф, с элегантно небрежностью обмотанный вокруг шеи, хорошо сочетался с его вроде бы естественно довлеющим в окружающем нас троих пространстве статным образом. Завораживал и мягкий, с невыразимой глубиной легко узнаваемый голос Шелла.

Мы много раз потом беседовали с Максимилианом на самые разные темы, не ограничиваясь современной нам тогда театральной драматургией, и всякий раз я поражался, насколько глубоко он старался посмотреть в корень проблемы и дать ей свою, очень личную, эмоциональную и в то же время тщательно взвешенную оценку. Для меня эти контакты были в человеческом и общефилософском плане очень ценны и по сей день памятны.

Но вернёмся к аукциону. Увидев меня в зале, Макс обрадованно взмахнул руками и тут же двинулся к нам. Рядом со мной как раз было свободное место. Шелл уселся на него, мы поздоровались, и я тут же спросил с почти нескрываемой подозрительной ноткой в голосе:

– Макс, скажи, пожалуйста, что тебя здесь конкретно будет интересовать?

– Ну ты же знаешь, что я коллекционирую, – отвечал, неспешно листая каталог аукциона, несколько расслабленным тоном Шелл. – Хочу приобрести автограф Петра Великого (как известно, актёр сыграл роль русского царя в одном из голливудских фильмов), а также письма К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина...

– Постой, Макс, – взволнованно заговорил я, – не спеши, давай обсудим всё это в спокойной обстановке, во время перерыва.

Шелл согласился. Я пригласил его после окончания первой части аукциона на «рабочий» обед в одном из неплохих ближайших ресторанов. Отобедав, договорились, что когда будут выставлены интересующие нас лоты и мы вступим в игру, Максимилиан выждет, пока мы не «сойдём с дистанции», если стоимость превысит установленные нами для себя лимиты. Только тогда Шелл будет готов подключиться к торгу. В дальнейшем эту договорённость с нами актёр строго соблюдал.

Когда настал черёд писем К. Маркса и Ф. Энгельса, ни мы, ни Шелл не имели успеха: при эстимейте в обоих случаях в 60 тыс. марок документы были проданы, соответственно, за 240 и 230 тыс. марок ФРГ. «Прикарманил» их, насколько мы могли наблюдать за публикой, невзрачного вида, невысокого роста человек, не похожий на музейного работника. Он же «победил» нас с Максимилианом и во время торга вокруг формуляра Бернской библиотеки с автографом В. И. Ульянова: конечная цена при эстимейте в 30 тыс. марок составила 110 тыс. марок ФРГ.

Но всё-таки мы приехали в Марбург не зря: письмо В. И. Ленина Кларе Цеткин после ожесточённого торга с солидным господином в очках с золотой оправой досталось-таки нам.

По окончании аукциона слегка дрожавшей от радостного волнения рукой я вписал в соответствующую строку бланкочка требуемую сумму (135 тыс. марок ФРГ, включая, как принято, 15 % комиссионного сбора в пользу аукционного дома) и принял от аукционатора вождённый исторический документ. На мой вопрос, кто же приобрёл за столь немалые суммы оба письма К. Маркса и Ф. Энгельса Дж. Олсопу, аукционатор пожал плечами, но тут же довольно уверенно предположил, что это был «посланец Хонеккера». Думаю, он был недалёк от истины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.